*Р.Ю. Почекаев**

Несостоявшийся протекторат: Восточный Туркестан в планах Российской империи (2-я половина XIX в.)**

АННОТАЦИЯ: В статье анализируются попытки Российской империи установить протекторат над Восточным Туркестаном, предпринимавшиеся в конце 1850-х и в 1870-е гг. в связи с антицинскими мусульманскими восстаниями в этом регионе. Даётся характеристика предложений российской пограничной администрации (Западной Сибири и Туркестанского края) по созданию протектората и реакции центральных имперских властей на эти предложения, а также причин, по которым российский протекторат над Восточным Туркестаном так и не был установлен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская империя, империя Цин, Восточный Туркестан, протекторат, буферное государство, Большая игра.

Интерес Российской империи к Восточному Туркестану возник ещё в начале XVIII в., когда сибирские власти по поручению Петра I предпринимали попытки направить торговые караваны в тогда ещё независимое владение. Однако в конце 1750-х гг. регион был завоёван

---

* Почекаев Роман Юлианович, к.ю.н., доцент, кафедра теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; E-mail: rpochekaev@hse.ru

** Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (проект № 18-01-0005) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100».

© Почекаев Р.Ю., 2019

империей Цин и надолго закрыт для России; в течение второй половины XVIII — первой половины XIX вв. лишь отдельные русские путешественники добирались до Восточного Туркестана, сообщая отрывочные сведения о нём [11, с. 54–55, 57–58]. В середине XIX в. ситуация несколько изменилась: в Илийском крае (Кульдже), соседнем с Восточным Туркестаном, в 1851 г. появляется российское консульство, благодаря которому имперские власти стали получать более систематизированные сведения о регионе.

Именно консул в Кульдже И.И. Захаров впервые высказал предложение о превращении Восточного Туркестана в протекторат Российской империи. В начале 1857 г. он направил западносибирскому генерал-губернатору Г.Х. Гасфорту и в Министерство иностранных дел сообщение о восстании мусульман в Восточном Туркестане[1] и предложил российским властям поддержать восставших, помочь им создать независимое ханство, взяв его под покровительство России [17, с. 82].

Г.Х. Гасфорт, ознакомившись с запиской И.И. Захарова, в свою очередь, направил военному министру Н.О. Сухозанету записку, в которой напоминал, что представители семейства Белогорских ходжей — бывшей правящей династии Кашгарии — уже и раньше обращались за поддержкой к России, что позволяет рассчитывать на их дружеское отношение к империи и впредь. Кроме того, он обращал внимание министра на то, что Восточный Туркестан примыкает к «нашим сомнительным владениям» — местам проживания «дикокаменных» киргизов, недавно признавших власть Российской империи, — и установление контроля над этим регионом позволит контролировать как киргизов, так и среднеазиатские ханства. Гасфорт призывал центральные власти создать независимое ханство в Восточном Туркестане под властью потомка ходжей «или другого претендента», чем Россия могла бы оказать «важную услугу народу, для которого тирания манчжуро-китайцев сделалась невыносимою» [8, с. 330–332].

Нельзя не заметить, что формально понятие протектората в проекте Гасфорта не фигурировало — вероятно, потому что к середине XIX в. Россия еще не имела опыта организации подобной системы отношений в Центральной Азии. Речь шла преимущественно о влиянии России на «независимое» государство, но «под покровительст-

---

[1] Это было очередное восстание Белогорских ходжей — потомков династии, правившей в Восточном Туркестане до его завоевания империей Цин, ставивших своей целью восстановить уничтоженное государство. Эти восстания имели место в 1820-е, 1840-е и 1850-е гг., однако каждый раз быстро подавлялись маньчжурскими войсками.

вом» империи. И хотя Г.Х. Гасфорт, согласно свидетельствам современников, отличался некоторой эксцентричностью в поведении и общении, он далеко не был склонен к политическим авантюрам (в отличие, например, от своего современника, оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского). Он всегда рационально выстраивал отношения с соседними народами и государствами, соотнося свои действия с политикой центральных имперских властей. Именно поэтому его записка была внимательно изучена в Военном министерстве и 22 апреля передана на ознакомление императору Александру II. Кроме того, актуальность предложения Гасфорта подчёркивалась общим характером российско-китайских отношений в середине XIX в., которые характеризовались крайней неустойчивостью из-за внутренних проблем в империи Цин. Ведь, помимо восстания непосредственно в Восточном Туркестане, маньчжурским правителям приходилось воевать с тайпинами, а также противостоять европейским державам, боровшимся за привилегии для своих торговцев в Китае и, в частности, за свободную торговлю опиумом. Все эти обстоятельства наводили на мысль о существенном ослаблении и, возможно, скором распаде империи Цин. Неудивительно, что в постоянно менявшихся политических обстоятельствах, как раз в 1850-е гг., после более чем полувекового перерыва, была подписана целая серия международных договоров между Россией и Китаем: Кульджинский трактат 1851 г., а уже после записки Гасфорта — Айгунский договор 1858 г., Тяньцзиньский договор 1858 г. и Пекинский договор 1860 г.

Поэтому предложения западносибирского генерал-губернатора были встречены с интересом и в целом получили одобрение. Правда, Н.О. Сухозанет в ответном послании Гасфорту от 28 августа 1857 г. указал, что для начала «необходимо узнать в подробности и с точностью настоящее положение дел в Кашгаре, степень силы и важность восстания, все случайности успеха в отдельном существовании этого владения и сочувствие народа к прежней магометанской династии», для чего предлагалось направить в Восточный Туркестан «опытного и надёжного человека» под видом торговца. Вместе с тем, министр отдал генерал-губернатору распоряжения усилить отряды в Заилийском крае, т. е. на границе с Восточным Туркестаном, стараясь получать дополнительные сведения о регионе и через пограничные посты. Самым же важным пунктом в этих распоряжениях, как представляется, был следующий: «Если бы по восстановлении в Кашгаре прежней династии, независимой более от китайского правительства, представители этой династии обратились к вам с просьбой о помощи или содействии, то, не отвергая их просьбы и приняв благосклонно посланцев новой власти в Кашгаре, вы испросите разрешение правительства на

дальнейший ход этого дела, и вместе с тем в виду предстоящих обстоятельств должны быть готовым к оказанию содействия» [8, с. 332–333]. Как видим, основанием для вмешательства в дела соседнего государства имперским властям виделась не только их собственная воля, но и инициатива населения самого региона, которое должно было «пригласить» российские войска для оказания помощи.

Казалось, планам Гасфорта было суждено осуществиться в ближайшее время. В октябре того же года он писал Сухозанету со слов Захарова, что восстание в Восточном Туркестане всё ширится и его возглавляют именно потомки прежней династии, однако признавался, что нет сведений о том, какими средствами они располагают и насколько пользуются поддержкой населения [8, с. 334–335]. Таким образом, всё вновь свелось к необходимости выяснения обстановки на месте.

Главным последствием предложений Гасфорта стала, как известно, миссия того самого «опытного и надёжного человека» в Восточный Туркестан — речь идёт о поездке Ч.Ч. Валиханова в 1858–1859 гг. Её научные результаты до сих пор оцениваются весьма высоко, однако в политическом отношении она поставила крест на идее Захарова и Гасфорта. Ещё в мае 1858 г., находясь в Верном (совр. Алматы) и готовясь к поездке в Кашгар, Валиханов писал Гасфорту, что восстание ходжей 1857 г. подавлено, а его предводитель, Вали-хан-тура, своей «жестокостью и безрассудным поведением» в отношении не только китайцев и иностранцев, но и собственных подданных совершенно «охладил» их «энергические стремления… к независимости» [2, с. 9, 12].

В результате Россия решила добиваться укрепления своего влияния в Восточном Туркестане не военными, а дипломатическими методами. Ст. 6 Пекинского договора 1860 г. гласила: «В виде опыта открывается торговля в Кашгаре» [16, с. 36], а в 1862 г. начались переговоры об открытии в этом городе российского консульства по аналогии с уже существовавшим в Кульдже.

Однако эти намерения не были реализованы в связи с началом очередного восстания в Восточном Туркестане, результатом которого стало создание государства Йэттишар под властью Якуб-бека (1864–1877). И, как и в конце 1850-х гг., антицинское движение мусульман региона вновь послужило поводом для поднятия вопроса об установлении российского протектората над ним.

Отношения России с государством Якуб-бека достаточно широко изучены, однако до сих пор оцениваются противоречиво. По мнению одних исследователей, туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман (1867–1882) был готов оказать Якуб-беку поддержку против

маньчжурских властей, если тот признает протекторат России [13, с. 87; 17, с. 144], у которой к этому времени уже появился опыт выстраивания таких отношений со среднеазиатскими ханствами — Бухарским, Кокандским и Хивинским. Другие же авторы, напротив, отмечают выжидательную позицию России, которая, ведя переговоры с Якуб-беком, в то же время поддерживала отношения с империей Цин, даже оказывая ей до некоторой степени поддержку в борьбе с мятежниками (в частности, путём поставок зерна). И именно это «двоедушие» России заставило правителя Йэттишара отказаться от союза с России и искать покровительства Англии [9, с. 42].

Последнее утверждение не вполне корректно: на самом деле Якуб-бек старался лавировать между Российской и Британской империями, обращая себе на пользу их противоречия. В течение всего своего правления он поддерживал активные дипломатические контакты и с российскими, и с английскими властями, а вассалитет признал от Османской империи, отдалённость которой фактически избавляла его от каких-либо вассальных обязательств [4, с. 98; 20, p. 151, 154, 156]. И лишь когда Якуб-бек в полной мере осознал опасность, исходившую от маньчжуров, он обратился к Англии как посреднику в переговорах с империей Цин, предлагая признать вассальную зависимость от маньчжуров при условии сохранения за ним власти в Йэттишаре [1, с. 128–129; 18, с. 93; 19, p. 41–42].

Что же касается намерений Кауфмана установить протекторат над государством Якуб-бека, они были озвучены как предмет для обсуждения в переписке с военным министром Д.А. Милютиным. Осенью 1870 г. в Санкт-Петербурге состоялось межведомственное совещание под руководством Милютина, на котором решался вопрос, следует ли помочь Китаю или «войти в соглашение с представителями дунганского восстания и стараться образовать в ближайшем нашем соседстве небольшие мусульманские владения, которые были бы нашими естественными союзниками». Представители Военного министерства высказывались за последний вариант, однако традиционно противостоявшие им сотрудники МИДа небезосновательно указали, что восстания мусульман в Восточном Туркестане случались и прежде, но быстро подавлялись, а потому «не представляется никаких задатков для основания каких-либо новых самостоятельных политических организмов». В результате Кауфману было велено занять выжидательную позицию [5, с. 330–331].

С одной стороны, первый туркестанский генерал-губернатор обладал куда более высоким статусом и решительностью, чем Г.Х. Гас-

форт[2], и был готов на решительные действия в случае агрессивных намерений китайцев, о чём прямо писал представителям маньчжурских властей [10, с. 905; 14, с. 163–164]. С другой же стороны, он благоразумно не желал сам провоцировать конфликт с империей Цин, которая и так весьма негативно отреагировала на занятие российскими войсками Кульджи в 1871 г., а потому не высказывал никаких громких заявлений о возможности установления протектората над Восточным Туркестаном. Так что вышеупомянутое решение петербургского совещания 1870 г., вероятно, не так уж противоречило его планам.

Более радикальную позицию занял его подчинённый — военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский, который непосредственно и осуществил временное присоединение Кульджи к России. Вероятно, находясь в состоянии некоторой эйфории после этой практически бескровной операции, он в октябре 1871 г. направил Кауфману докладную записку, в которой предлагал организовать аналогичную экспедицию в Кашгар и свергнуть Якуб-бека, поскольку южные границы вверенной ему Семиреченской области «никогда не будут спокойны, пока Кашгаром будет править Якуб-бек». Вместо него он намеревался возвести на трон правителя, который, будучи «обязан» России троном, станет «дорожить дружбой» с ней. Русские же войска сразу после этого, продолжал Колпаковский, будут выведены из региона, а расходы на операцию покроет контрибуция, которую предполагалось наложить на его население. Правда, при этом Колпаковский честно признавался, что имеющихся сведений о Кашгаре недостаточно, чтобы назвать того кандидата на трон, «которым полезно было бы заместить Якуб-бека» [3, с. 22–23].

Как видим, ситуация в начале 1870-х гг. не очень сильно отличалась от сложившейся в конце 1850-х: амбициозные планы по установлению протектората над Восточным Туркестаном не были подкреплены знаниями о регионе. Неудивительно, что Кауфман отреагировал на записку Колпаковского приблизительно так же, как в своё время министр Сухозанет — на предложение генерал-губернатора Гасфорта: в марте 1872 г. он приказал сосредоточить войска в стратегически важных пунктах Семиречья и ожидать распоряжения о выступлении на Кашгар — которое, правда, так и не было дано [3, с. 23]. Роль «опытного и надёжного человека» на этот раз сыграл штабс-капитан А.Н. Куропаткин, осуществивший в 1876–1877 гг. разведы-

---

[2] Неслучайно население Русского Туркестана и среднеазиатских ханств называло К.П. фон Кауфмана «ярым-падишахом», т. е. «полуцарём», а в современной отечественной историографии его характеризуют как «первого в истории российского „вице-короля“ Туркестана» [17, с. 107].

вательно-дипломатическую миссию к Якуб-беку и опубликовавший по её итогам ряд работ о Кашгарии. По его наблюдениям, Англия сама стремилась превратить государство Якуб-бека в свой протекторат, поэтому России следует принять превентивные меры, сделав то же самое [12, с. 2–3].

Впрочем, вскоре после миссии Куропаткина государство Якуб-бека пало под натиском маньчжуров, и проект установления протектората над Восточным Туркестаном, казалось бы, становился невозможным. Однако К.П. фон Кауфман и Г.А. Колпаковский посчитали иначе, предоставив убежище Бек-Кули-беку, сыну Якуб-бека, и одному из его военачальников Биянху. Не исключено, что туркестанские власти намеревались использовать их как возможных претендентов на трон в Восточном Туркестане[3], — на это указывают некоторые частные письма К.П. фон Кауфмана, в которых он характеризует Бек-Кули-бека как «сына Якуб-бека, его законного преемника», а Биянху (Баян-Ахуна) — как «предводителя целого племени». И они вполне могли бы быть использованы в качестве российских ставленников на трон, учитывая, что «Как, однако, легко создаются в Средней Азии царства и как легко падают!» [10, с. 899, 905]. Соответственно, и Кауфман, и Колпаковский неоднократно отказывались выдавать этих деятелей маньчжурам — даже когда требования о выдаче исходили не только от китайских властей, но и от российского МИДа [14, с. 161–162, 163, 165]. Биянху до самой смерти в 1882 г. являлся главой дунган, переселившихся в Семиречье [7, с. 52; 15, с. 175]. Бек-Кули-бек же ещё и в 1890-е гг. жил на русскую пенсию и, по словам встречавшегося с ним шведского путешественника С. Гедина, «с нетерпением ожидает нового восстания в Кашгарии, чтобы попытаться вернуть себе трон отца» [6, с. 61].

Однако после восстановления контроля империи Цин над Восточным Туркестаном Кауфман официально объявил об отказе от намерения создать в Восточном Туркестане ханство под российским протекторатом. Когда к нему в начале 1878 г. обратился один из потомков династии Белогорских ходжей Хаким-хан-тура (сподвижник Якуб-бека и один из претендентов на трон после его смерти), прося военной помощи для изгнания маньчжуров из региона, ему было

[3] Подобную политику К.П. фон Кауфман практиковал в отношении среднеазиатских ханств: при его дворе в 1870-е гг. находились бухарский царевич Сейид-Ахад, племянник бухарского эмира Музаффара, и Атаджан-тура, брат хивинского хана Мухаммад-Рахима II. Кауфман фактически спасал этих царевичей от расправы, которая им грозила со стороны царствовавших родственников, которые видели в них конкурентов.

сказано, что Россия не вмешивается в дела Восточного Туркестана и тем более не будет возводить там на престол «того или иного правителя» [14, с. 161]. Таким образом, Бек-Кули-бек и Биянху в большей степени стали средством дипломатического давления на маньчжурские власти с целью получения уступок от Китая в отношениях с Россией. Важнейшей из них стало учреждение в Кашгаре российского консульства в соответствии со ст. 10 Петербургского договора 1881 г. [3, с. 25; 16, с. 57], которое успешно решало задачу укрепления российского влияния в регионе — что, опять же, напоминает последствия обсуждения проекта установления протектората над Восточным Туркестаном в конце 1850-х гг.

Таким образом, представляется, что возможность установления протектората над Восточным Туркестаном и в 1850-е, и в 1870-е гг. виделась российским властям маловероятной. И если представители пограничной администрации были готовы реализовать её на практике, то центральные власти, в принципе не отвергая их предложений, рассматривали такие действия как самый крайний вариант развития отношений с империей Цин, в конечном счёте отдавая предпочтение дипломатическим средствам.

Литература

1. *Басханов М.К.* Политика Англии в отношении государства Якуб-бека // Из истории международных отношений в Центральной Азии (Средние века и новое время). Алма-Ата, 1990.

2. *Валиханов Ч.Ч.* [Записки об организации поездки в Кашгар] // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений. В 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1985.

3. *Бухерт В.Г.* …И его русский портрет // *Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма / Отв. ред. *В.С. Мясников*. М., 2010.

4. *Васильев А.Д.* Рапорт Кашгарского посланника в Стамбуле султану Абдулхамиду II о китайском вторжении и падении государства Якуб-бека // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 8.

5. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина / Под ред. *Л.Г. Захаровой*. 1868 — начало 1873. М., 2010.

6. *Гедин С.* В сердце Азии. Памир. Тибет. Восточный Туркестан: Путешествие в 1893–1897 годах / Пер. *А.* и *П. Ганзен*. Т. I. СПб., 1899.

7. *Думан Л.И.* Биянху — вождь дунганского восстания 1862–1877 гг. // Записки института востоковедения АН СССР. Т. VII. 1939.

8. Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Под ред. *Н.И. Веселовского*. СПб., 1904.

9. *Исиев Д.А.* Уйгурское государство Йэттишар (1864–1877). М., 1981.

10. *Кадников В.С.* Из истории Кульджинского вопроса // Исторический вестник. 1911. № 6.

11. *Кляшторный С.Г., Колесников А.А.* Восточный Туркестан глазами русских путешественников (вторая половина XIX в.). Алма-Ата, 1988.

12. *Куропаткин А.Н.* Кашгария. Историко-географический очерк страны, её военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

13. *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.

14. *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. — 1917 г.). Барнаул, 2003.

15. *Поярков Ф.В.* Последний эпизод дунганского восстания // Дунгане. История и культура: российские дореволюционные работы о дунганах / Сост. *М.Р. Мадиван*. М., 2017.

16. Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958.

17. *Сергеев Е.Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012.

18. *Ходжаев А.* Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (Колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.). М., 1979.

19. *Hsü I.C.Y.* The Ili Crisis: A Study of Sino-Russian Diplomacy, 1871–1881. Oxford, 1965.

20. *Kim H.* Holy War in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864–1877. Stanford, 2004.

R.Yu. Pochekaev*

Un-Established Protectorate: Eastern Turkestan in Plans of the Russian Empire (2nd Half of XX Century)

ABSTRACT: The article presents an analysis of attempts of the Russian Empire to establish protectorate over the Eastern Turkestan in 1850s and 1870s in connection with anti-Qing Muslim rebellions in the region. Author characterizes proposals of the Russian frontier administrations of Western Siberia and Turkestan region on establishing of protectorate and reaction of central imperial authorities on these proposals, as well as reasons why protectorate was not established.

KEYWORDS: Russian Empire, Qing Empire, Eastern Turkestan, protectorate, buffer state, the Great game.

* Pochekaev Roman Yulianovich, Ph.D. (Jurisprudence), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics, Department of Theory and History of Law and Sate, St. Petersburg, Russia; E-mail: rpochekaev@hse.ru